

Из новых публикаций

Ударность наших идей В ногу с сегодняшним днем

«Товарищ Ленин в одном своем письме по поводу стиля газетной работы категорически заявлял, что единственно огромный недостаток нашей работы! — это отсутствие в ней телеграфного лаконичного стиля, что все то, что мы можем сказать в продолжение пятидесяти минут, в статье обыкновенно размусоривается на целые столбцы».

Следовательно, необходимо все силы, работающие в нашей прессе, устремить на избранные способы, при которых ударность наших идей не ослабляется бы туманностью и запутанностью формы. Ясно, для того, товарищи, чтобы лозунги, проводимые нами в статьях и т. д., не теряли бы всей этой ударности, для того, чтобы они постоянно встречались, постоянно били в глаза со всякой уличной стены, около каждой витрины магазина, необходимо каким-нибудь ясным, запоминающимся образом, не имеющим минутного значения, единственно, конечно, способом для этого является применение агитации, как-нибудь искусства, в более фундаментальных формах представляющего этот агитационный материал и эту пропаганду.

Товарищи, этим и объясняется пристрастие РОСТА к художественной работе, к деланию плакатов, к вывешиванию окон сатиры и т. д...

Из доклада «О художественной пропаганде» на первом Всероссийском съезде работников РОСТА 19 мая 1920 г.

1 «Письмо» Ленина — статья «О характере наших газет» (Соч. т. 28, стр. 78—80). Составленной на эту статью В. И. Ленина Маяковский впоследствии начал свою статью «С чеба на землю», помещенную в «Вестнике Агитпропа ЦК РКП», «А», № 17 от 7 марта 1923 г.

«Третьего дня из Донбасса вернулся художник, он спускался в шахты не как художник, а как табельщик, чтобы его приняли за своего. Он видел, как послали рабочего заложить шесть динамитных шашек при проходе нового туннеля. Рабочий, заложивший шашки, отошел и стоит с инженером. Первый взрыв, второй взрыв, третий, четвертый, пятый... а шестого нет. Тот, кто заложил, обязан пойти и проверить. Но через каждую секунду может быть взрыв. И рабочий победил... Тогда инженер говорит: «Пойдем вместе», — и за минуту, как им дойти, шашка взрывается. Это было сделано для того, чтобы показать настоящие отношения к делу».

Почему вы нам не покажете такого инженера? А показываете омерзительного инженера? (Аплодисменты). Мы должны уметь соразмерять право на нашу критику с энтузиазмом и пафосом, который мы вкладываем в дело социалистического строительства. А если нет, то права на критику вы не получите. Это нужно иметь в виду.

Вы говорите, что мы будем писать толстые книги, а вам отдаем простенькие книжки. Тут и листочка больше и каждому приятно толстые книги печатать. Для нас ценность маленькой книжки о пятилетнем плане в Московской области ценнее вашего толстого «Бизнеса»!

Я совершенно случайно впал в полемику с представителями конструктивизма, потому что, идя сюда, я не думал, что настолько обнажено голое эстетство в кругу литературной жизни Советского Союза...

Из выступления на втором расширенном пленуме правления РАПП 23 сентября 1929 г.

1 «Бизнес». Сборник Литературного центра конструктивистов (М.), ГИЗ, 1928.

корявые, не полные образности, они лишают их той свежести, какую они имели до исправления. Вот сборничек рабкоров Хамовнического района. Назван он тоже по-старому: «Лепестки». Где, спрашивает он, на производстве рабочий сталкивается с лепестками? Хотел он до упаду над строчками, вроде таких:

Я — пролетарская пушка, стреляю и туда и сюда! Тут видна рука исправлявшего стихи, или выбросившего пару строчек, или что-то подменившего.

Вот образец старых понятий. Тов. Стенков употребил раз выражение: «Надо поставить точки над «и», а «и»-то у нас давно уже нет, и многие научившиеся теперь грамоте, понятия о нем не имеют. Или выражение: «красной нитью проходит». Кто ее видит, эту нить? Все это трафарет.

Таким языком шарили 10 лет тому назад. Его надо сдать в архив и учиться надо у живых, у действительности, окружающей рабочего.

Из выступления Маяковского в Киевском клубе рабкоров им. Спиридонова 13 января 1924 г. (Газетный отчет).

«Мы будем бить в оба бока тех, кто со злым умыслом идейной реставрации приписывает астарую действительную роль в «сегодня», тех, кто проповедует внеклассовое, всечеловеческое искусство, тех, кто подменяет диалектику художественного труда метафизикой пророчества и жречества».

Мы будем бить в один эстетический бок тех, кто рассматривает труднейшую работу искусства только как свой отдых, тех, кто неизбежную диктатуру вкуса заменяет учредительским лозунгом общей элементарной понятности, тех, кто оставляет лезвие искусства для идеологических излияний о вечности и душе...

Из интервью, данного в Одессе.

1 Литературный сборник рабочих корреспондентов Хамовнического района г. Москвы «Лепестки» вышел в 1923 г. под редакцией А. Л. Исаева и Б. Г. Черномордина.

Слово — проводник идей

«И правильность ваших положений опровергает постановка революционных фильмов, как «Бременские музыканты», которые оправдывают себя коммерчески. Голос с места: «Если вы понимаете дело, научите Совкино, Критикуйте!», Спасибо за разрешение критиковать... Наша кинематография насмехается старая... Со всех сторон лезут столетние эстетические прищипки, и никакой связи с советской современностью эти пошлости не имеют. Вы говорите — подите и покритикуйте. С какого черного хода мы будем залезать в Совкино, если журналистов не принимают и с ними не разговаривают? Мы вот и критикуем, мы сейчас поговорим».

Говорят, что вот Маяковский, видите ли поэт, так пусть он сидит на своей поэтической лавочке... Мне наплевать на то, что поэт. Я не поэт, а прежде всего поставивший свое перо в услужение, заметьте, в услужение, сегодняшнему часу, настоящей действительности и проводнику ее — советскому правительству и партии. (Аплодисменты).

Я хочу сделать свое слово проводником идей сегодня. Если у меня есть понимание, что миллионы обслуживаются кино, то я хочу внедрить свои поэтические способности в кинематографию, и так как ремесло сценариста и поэта в основе своей имеет одно и ту же сущность, а я понимаю это дело, то я буду учить вас. Я буду учить вас всем вопросам сценария...

Из выступления на диспуте «Путь и политика Совкино» 15 октября 1927 г.

М О С К В А — П А Р И Ж

(Париж, 20 октября 1928 г.).

«И искусства могут смотреть только кино, куда и хожу ежедневно».

Художники и поэты отаратительнее скольких устриц, Протухших. Занятие это совсем вырождается. Раньше фабриканты делали авто, чтоб покупать картины, теперь художники пишут картины, только чтоб купить авто.

(Москва, 19 марта 1930 г.).

«Третьего дня была премьера «Банки»¹. Мне, за исключением деталей, понравилась! По-моему, первая поставленная моя вещь. Превращен Штраух? Зрители до смешного поделились — одни говорят: никогда так не скупились; другие: никогда так не веселились. Что будут говорить и писать дальше — неведомо».

Давайте, товарищи, шагать в ногу.

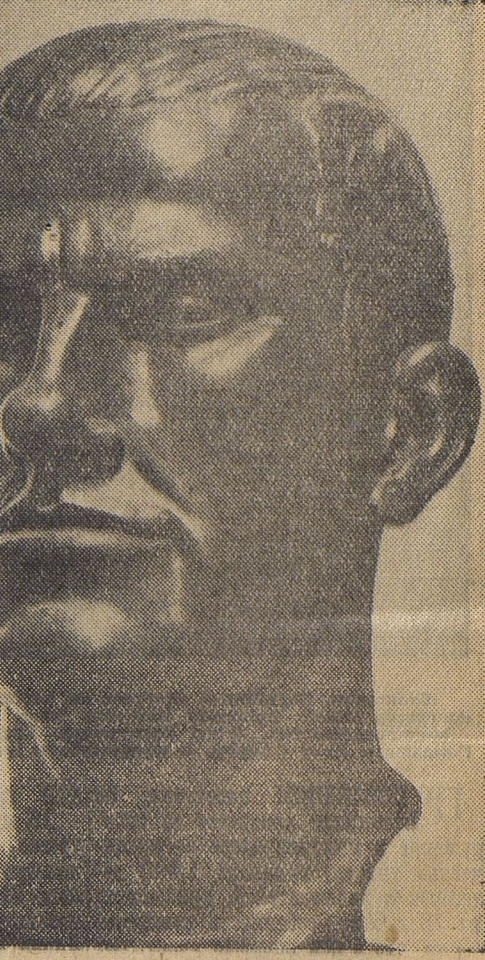
Он и сегодня участвует в сложнейших процессах строительства новой культуры. И опять-таки не отделившись «созвучными» строчками (хотя и строчек этих неисчислимо много), а всем своим примером, всей направленностью своей героической жизни в искусство, посвященной революционному переустройству мира.

Мы говорим: ближе к действительности, товарищ художник, ближе к народу, и как не вспомнить тут Маяковского, «всего» Маяковского, который каждой кровинкой был связан с кипучей, стремительной «заблудой дня» страны, строящей социализм. Вот уж кто действительно мало работавший о «вечном», безраздельно отдавший стране и ее политике весь свой неограниченный творческий дар. Без этого не было для него ни поэзии, ни любви, ни самой жизни... И ведь это же не просто шутка в «Юбилейном», когда автор обращается к Пушкину: «Были б живы — стали бы по Леду соредатор. Я бы и агитки вам доверил мог».

Счастье для поэта — служить классу, победоносно атаковать старый мир, и не может, не смеет истинный художник жить в таковой эпохе иначе.

И вот он бессмертен, он — навечно в сердце народа, великий поэт, творивший «на злобу дня», писавший: «умри, мой стих, умри как рядовой». Такой стих не умирает. Сегодня, открывая Маяковского, мы думаем и об этом глубоком уроке.

Мы говорим о новаторстве, и снова смотрим на нас с гранитной вершины Маяковский, ослепительный ликом к восходящему солнцу, к утру, устремленный вперед, в «незнаемое». Кто еще из поэтов так остро чувствовал ослепительную новизну нашей эпохи, кто восстал так восторженно счастли-

МАЯКОВСКИЙ. Скульптура работы Л. Ю. Брик. 1938 г. (гипс).

говать... Наша кинематография насмехается старая... Со всех сторон лезут столетние эстетические прищипки, и никакой связи с советской современностью эти пошлости не имеют. Вы говорите — подите и покритикуйте. С какого черного хода мы будем залезать в Совкино, если журналистов не принимают и с ними не разговаривают? Мы вот и критикуем, мы сейчас поговорим».

Говорят, что вот Маяковский, видите ли поэт, так пусть он сидит на своей поэтической лавочке... Мне наплевать на то, что поэт. Я не поэт, а прежде всего поставивший свое перо в услужение, заметьте, в услужение, сегодняшнему часу, настоящей действительности и проводнику ее — советскому правительству и партии. (Аплодисменты).

Я хочу сделать свое слово проводником идей сегодня. Если у меня есть понимание, что миллионы обслуживаются кино, то я хочу внедрить свои поэтические способности в кинематографию, и так как ремесло сценариста и поэта в основе своей имеет одно и ту же сущность, а я понимаю это дело, то я буду учить вас. Я буду учить вас всем вопросам сценария...

Из выступления на диспуте «Путь и политика Совкино» 15 октября 1927 г.

М О С К В А — П А Р И Ж

(Париж, 20 октября 1928 г.).

В начале апреля, очевидно, будут в Берлине Мейерхольд, «Клопа» с собой не берут, но я и не очень протестую, т. к. моя установка — пусть лучше он нравится в Саратове².

«Целуй Эльзу и Арагона».

Из писем В. В. Маяковского к Л. Ю. Брик.

1 Премьера «Банки» в театре Мейерхольда состоялась 16 марта 1930 г. В письме от 23 марта Л. Ю. Брик спрашивала: «Нак идет «Банка»? Много ли написал новой поэмы? Ответ на это письмо уже не было».

2 М. М. Штраух играл Победоносикова.

3 Театр Мейерхольда выехал на гастроли за границу в Берлин и Париж в последних числах марта 1930 г. Часть труппы театра должна была гастролировать в Саратове.

4 Э. Ю. Тенюле и Л. Ю. Арагон приезжали в Берлин познакомиться с Л. Ю. Брик.

Искусство надо продвигать

«У нас есть две, четыре, пять публик, — вот что плохо. И плохо не это, а что весь расчет наших органов искусства концентрируется на удовлетворении части публики, к революционной массе отношения имеющей мало. По литературе, например, — беру литературный фронт. Взять калининские «Мощи», — третье издание на удовлетворение всех интересов, всех милых порнографических навыков публики. Сквозь эту толпу не пробьешься, потому что революционные писатели идут плохо, потому что новое искусство нужно продвигать, потому что рассчитано (оно рассчитано?) на оплату публики в 10 раз хуже, чем «Мощи» Калининские. Вот эта безобразная политика пускания всей нашей работы по руслу свободной торговли: то, что может быть приобретено, приобретается, что хорошо, а все остальное плохо, — это чрезвычайно вредит и театальной, и литературной, и всякой другой политике».

Из выступления на диспуте «Театральная политика Советской власти» 2 октября 1926 г.

1 Маяковский не раз обрушивался на порнографический роман И. Калининского «Мощи» — в стихотворении «Письмо писателю Владимиру Владимировичу Маяковскому», в киносценарии «Слон и спичка» и др.

Издательство Академии наук СССР в скором времени выпускает очередной (65-й) том «Литературного наследия», посвященный В. В. Маяковскому. В книге впервые публикуются неизданные до сих пор выступления великого поэта по вопросам литературы, театра, кино, изобразительного искусства, письма к Л. Ю. Брик, а также ряд статей и исследований.

Помещаемые на этой странице отрывки из выступлений В. В. Маяковского и иллюстрации взяты из подготовленного к печати 65-го тома «Литературного наследия».

Место в строю

«Если бы я стал на точку зрения Анатолия Васильевича, что действительно делных людей партия не может отпустить на дело искусства, правда, дальше идет оговорка — но он должен хотя бы размерами своих произведений доказать, что он вправе вырваться из этой общественной работы, (то) до тех пор по вопросу об искусстве я совершенно не могу разговаривать и даже позорно не могу считать вообще знание художника. Если это действительно такая вещь, которая только для развлечения дается и требуется только от тех работников, которые ничего другого дать не могут, так не лучше ли над этой белибердой — искусством — поставить крест. Нет, товарищи, с таким подходом можно подойти только к старинному искусству, в котором нет никаких отзвучий, никакого сопереживания с той гигантской борьбой, которую поднимает рабочий класс, и не первый и не последний день должен это трубить, и знамена должны развеваться над атакующими толпами. Но, может быть, еще десяти лет будут идти для завоевания грядущей коммуны под знаменами Коммунистической партии, под знаменами Коминтерна».

Здесь работникам-украшателям, работникам, строящим эти колонны хотя бы в дни празднества, я требую отвода такого же места, какое отводится любому работнику в любой области строительства, в области хозяйственной, в области просвещения и т. д...

Из выступления на диспуте «Первые камни новой культуры» 9 февраля 1925 г.

Разговор с рабкорами

«Наши литераторы, хотя и советские, воспитаны на старых литературных формах и вкусах. Исправляя корреспонденции рабкоров, они доводят их до уровня общего шаблона. Вычеркивая из них слова и выражения, часто

У ПАМЯТНИКА МАЯКОВСКОМУ

Москва воздвигает памятник Владимиру Маяковскому. Предстоит его торжественное открытие. Огромная фигура поэта, изваянная в бронзе скульптором А. Кибальниковым, предстанет перед тысячами людей в этот долгожданный день. Не в уединенном парке, не в кладбищенской благоуханной тишине — в самом центре шумной ды в самой гуще среди шумной разнородности, среди бурных толков жизни большого города — станет Маяковский. Станет «развернувшись в плечи»; солнце и ветер в лицо; распахнуты плечки; рука потянута в карман за записной книжкой. Станет как живой — словно разговаривая с площадью, словно нацеливаясь мыслью в сегодняшний день. Слушайте,

товарищи потомки... Этот памятник не только дань уважения сограждан к ушедшему великому человеку и знак признания его заслуг. Он говорит не о смерти — о жизни поэта. О том, что Маяковский — среди нас и сегодня. О том, что эпоха Маяковского не кончилась и не кончится. Не предшественнику, а современнику, спутнику сегодняшнего и завтрашнего поколений, не прошлому, а настоящему и будущему воздвигнут этот памятник в центре Москвы.

И самое слово «памятник» — ведь оно тут же заставляет вспомнить и «бронзы многопудые», и «заложил бы динамит», и многое другое, о чем вполне определенно высказался при жизни сам поэт. И дело даже не в высказываниях. Памятник Маяковскому — это, самое существо которого противно холодному мрамору и блеску бронзы, поэту, менее всего нуждающемуся в том, чтобы камень и металл напоминали о его существовании и увековечили память о нем в потомстве. Нет, «памятник», «память» — не для Маяковского — живого, действующего, актуального!

Оказывается, не нужно ста лет, чтобы крылатые слова поэта стали крылатыми словами народа, естественно и прочно войдя в язык, на котором мы говорим. Оказывается, не нужно ста лет, чтобы художника поняли и оценили человечество, чтобы поэт, к тому же поэт-новатор, истинный революционер поэзии, стал широко популярен, наша миллионы дру-

зей-читателей. Может быть, так стремительно бежит время в двадцатом веке? Но, с другой стороны, да, время бежит стремительно, но вот уже почти три десятилетия отделяют нас от последних стихов Маяковского, и какие толпы, а ведь много звучат так, словно и в день написания; стихотворений, созвучных нашим дням, да просто конкретным событиям нашего времени, не перечислять уж самые, казалось бы, злободневные стихи Маяковского, написанные для газетной полосы по горячим следам фактов, сохраняют для нас свою боевую силу... Но дело даже не в актуальности стихов и строчек. Бессмертно жива вся поэзия Маяковского — ее дух, ее нерв, самая личность ее творца, удивительно цельно и гармонично выразившая собой эпоху.

Маяковский живет, Маяковский борется. Вспомните в это лицо, в его выражение, так счастливо схваченное резцом скульптора: есть ли хоть тень олимпийского благодушия на лице нашего классика? Это — Маяковский, прочитавший сегодняшнюю газету с телеграммами из Ливана! Это — Маяковский, всем существом своим осязающий прозовую напряженность времени, в которое мы живем. Маяковский борющийся, живущий, не примиримый.

Если бы эта бронза могла ожить, он, живой Маяковский, не принял бы умиленного поклонения перед его величием. Он сказал бы, наверное, что не хочет величия, почтительного восприимчивости, что ему дорога горячая поддержка и солидарность друзей-единомышленников, а с противниками он по-прежнему ищет не мира, а боя. Он не принял бы плоских похвал мещанина, не позволил бы сделать из себя «безобидного», для всех одинаково приемлемого и приятного «классика». Его поэзия никогда не позволит себя нейтрализовать и обезвредить. Она была и остается яростно враждебной капитализму и всем его уродствам, как бы и где бы они ни проявлялись. Она и сегодня разит победоносными и присыпками, чинишь и приспособленцев, нигилистов и трусов, разит мещанство — эту цепкую силу прошлого. Маяковский борется, Маяковский полемизирует, и не

такая уж «тишь да гладь» вокруг Маяковского, да и может ли она быть! Ведь вот только сравнительно недавно увидели свет памфлеты «Баня», «Клопа», а затем и «Мистер-буфф» — были же люди, не пускавшие Маяковского на шпиль. А ведь перо сказал поэт, отмечая: мы сегодня, рукоплещая Маяковскому-драматургу: старое, но грозное оружие! Грозное!

Она, эта поэзия, воспевающая весну человечества, как солнцем напоенная радостной верой в окончательную победу коммунизма, «Мое» — говорит Маяковский, обнимающая родную землю, «с которой вдвоем голодал и полуживую вынырнул». «Мое» — поэт мизантроп Маяковский, гордый и торжествующий. «Мое» — говорит она, и именно поэтому так страстно, с таким хозяйским нетерпением поскорее изжить все плохое обрушивается на недостатки в родном доме.

Мое, — говорит бронзовый Маяковский на площади, призывая и нас любовным и ревнивым взглядом поглядеть вокруг и сердцем понять: — Мое!

Маяковский борется. Вмещая страдания и надежды всех народов Земли, тосковавшая о свободе для негра в Америке, для всех угнетенных, — душа его сегодня с теми, кто сбросил и сбрасывает цепи рабства. С «забитым китайским кули», ставшим ныне хозяином своей судьбы. С вами, свободными тружениками социалистических стран. С французским пролетариатом, поднимающимся на защиту республики. С народами Арабского Востока, борющимися за свою свободу от колониального гнета. Вот и сейчас, на площади Маяковского, он словно встречается и напутствует демонстрантов, идущих с плакатами «Руки прочь от Ливана», эти тысячи толпы, демонстрирующие свою волю к миру. «Толпы людские, густые», которые, как хорошо сказал в своей поэме о Маяковском Николай Асеев, — несут его силу, движение и мысль.

Сколько людей остановятся перед ним, бронзовым Маяковским, сколько им заглянет в глаза! «Оноше, обдумывающему житье» он скажет, что нет ничего выше и уютнее счастья быть нужным

ую коммунистическую новь. Державное новаторство в искусстве, идущее от глубочайшего постижения нового в самой жизни; ярая ненависть ко всякой косности, инерции, лени — такой Маяковский, и каждый раз при встрече он будет напоминать нам об этом.

Мы говорим: ближе к жизни, надо, товарищи артисты, товарищи писатели, чаще ездить к рабочим и колхозникам, мы радуемся знаменательному, в своем роде историческому факту, что Большой театр впервые в впервые! — отправился путешествовать по стране, начал со Сталинграда, — и как же тут не вспомнить знаменитое: что?

Стихи!

Кому?

Крестьянам!

И как не вспомнить поэзию Маяковского — поэзию, которая была естественнейшим проявлением его гражданского темперамента, свойством самой его поэзии. Думаешь об этом, и сразу — много вопросов. Длиннелись в массы наши театры, оркестры, бригады артистов. А как же сами поэты? Что-то мало у нас больших, широких открытых поэтических вечеров, а уж о диспутах и вовсе не слышать. Неужели прошли времена поэтических диспутов? Не верится... И почему стихотворцы наши, наследники Маяковского, приходят к читателям по-настоящему всего раз в год — в День поэзии? Что, если бы побольше таких «дней» в году?

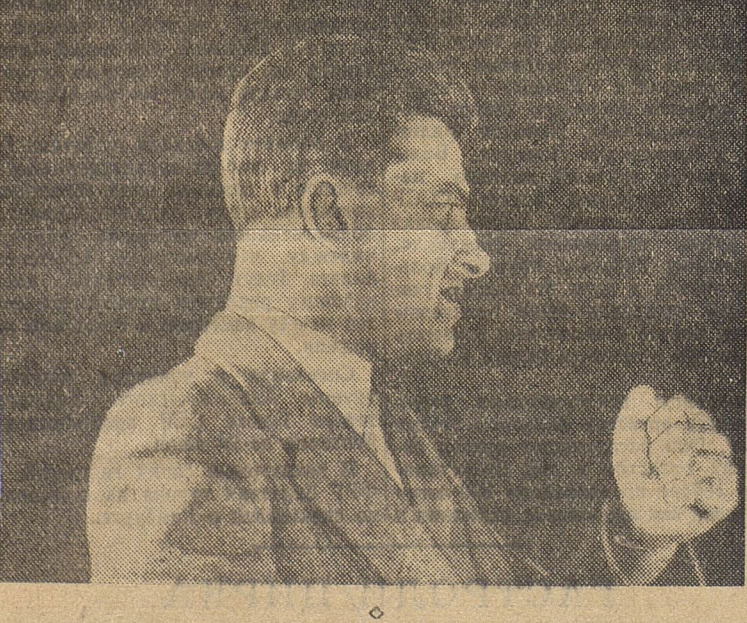
Помните, год назад, во время фестивалей, наши поэты выступали с эстрады на площади Маяковского; их слушали толпы людей. Почему бы не продолжить эту традицию? И именно на площади Маяковского — лучшего места и не придумаешь!

Отныне сам Маяковский — на этой площади. Не памятник, нет — бронзовое изваяние поэта, которому жить и жить среди нас и который просто занял свое законное место посреди нашей площади в центре столицы.

Ан. ГРЕБНЕВ.

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»

19 июля 1958 г. 3 стр.

Маяковский на трибуне. Выступление на II съезде Союза воинствующих безбашенников 10 июня 1929 г. Кадры из кинохроники.